

Борис Шитов

Вихри сансары

16+

Борис ТИТОВ
Вихри сансары

«Автор»

2015

Титов Б. А.

Вихри сансары / Б. А. Титов — «Автор», 2015

Куда попадает душа, когда человек умирает? Приобретает ли она новое тело? Куда деваются грехи прошлой жизни при перерождении? Ответственна ли новая жизнь за прегрешения предков? Об этом размышляет автор, проследив судьбы потомков последнего министра Императорского двора, причастного к разрушению великой Российской империи. Действие повести разворачивается в России и в Индии, где герои оказываются вовлеченными в водоворот приключений и страстей, борьбы добра и зла, любви и подлости. Выживут ли они в этом мире? Или кармическое проклятие окажется сильнее?

© Титов Б. А., 2015

© Автор, 2015

Борис Титов

Вихри сансары

ВИХРИ САНСАРЫ

Аннотация

Куда попадает душа, когда человек умирает? Приобретает ли она новое тело?

Куда деваются грехи прошлой жизни при перерождении? Ответственна ли новая жизнь за прегрешения предков?

Об этом размышляет автор, прослеживая судьбы потомков последнего Министра Императорского Двора, причастного к распаду Великой Российской Империи.

Действие повести разворачивается в России и в Индии, где герой оказываются вовлеченными в водоворот приключений и страстей, борьбы добра и зла, любви и подлости. Выживут ли они в этом мире? Или кармическое проклятие окажется сильнее?

Колесо сансары вращалось в вечном движении жизни...

ПРОЛОГ

Поезд Ленинград – Хельсинки готовился к отправлению. Проводники ходили по вагонам и монотонно повторяли:

– Поезд отправляется, провожающих прошу освободить вагон.

Вера Владимировна нервно теребила в руках зачитанную книгу «Колесо сансары», с которой она не расставалась с юности.

«Центральной идеей индуизма является положение о вечном круговороте бытия – сансара. – Прочитала она на случайно открытой странице. – На этом строится учение о перевоплощении душ. Человек умирает, но его душа обретает новое тело. Так продолжается до тех пор, пока эта личная душа – Атман – не сольется с вселенским Абсолютом – Брахманом».

– Я все-таки выйду напоследок, вдруг она придет, – нерешительно произнесла Вера Владимировна, обращаясь к сухощавому восьмидесятипятилетнему старику, сидевшему напротив в сильно поношенном костюме с таким важным и торжественным видом, как будто на нем был генеральский мундир.

– Она не придет, – хорошо поставленным голосом военного человека отозвался старик. – Лучше бы не пришла, – с досадой добавил он.

Бывший граф, бывший министр Императорского Двора Российской империи, бывший член Государственного совета, бывший генерал от кавалерии Владимир Борисович Фредерикс, получив, наконец, разрешение советского правительства, отъезжал в Финляндию со своей дочерью – вдовой офицера русской армии, героически погибшего за царя и отечество в боях под Барановичами и матерью – страшно подумать! – революционерки с баронской родословной.

Вера Владимировна вышла на перрон. Снова и снова вглядываясь в поисках дочери в серую толпу чуждых ей людей, она прижимала к груди, разрешение на выезд Надежды – бесценный документ, добытый с невероятным трудом.

Когда в России настала смута, ее Наденька, шестнадцатилетняя смолянка, ровесница бурно надвигающегося двадцатого века, увлеклась демократическими идеями, стала посещать какие-то кружки, где политика непостижимым образом переплелась с искусством и вседозволенностью, и начисто выскользнула из-под влияния семьи.

Впрочем, семьи-то уже и не было. Всесильный отец был в Ставке с государем, а она, Вера, оплакивала смерть горячо любимого мужа и находилась в полной прострации.

Надежда тем временем проявляла все большую политическую активность и оказалась в техническом секретариате Временного правительства.

Когда это самое правительство арестовало ее деда, а революционно настроенная толпа разграбила и сожгла их особняк, Надя, к счастью матери, разочаровалась в справедливости бурных событий и вернулась домой, вернее, не домой, а в дворницкую, куда переселилась Вера Владимировна, в то время как их дворник по-барски расположился в уцелевших от пожара комнатах особняка.

Но неумная энергия и тяга к приключениям привели Надежду к большевикам, внезапно пришедшим к власти. На одном из митингов она познакомилась с матросом, которого в это смутное время ревсовет назначил командиром корабля.

Эта, как ей казалось, героическая судьба, заслуживала восхищения и поклонения. Так Степан, малограмотный парень с рабочей окраины Петрограда, стал ее кумиром и гражданским мужем.

Из толпы отделилась девушка и бросилась к Вере Владимировне.

– Милая моя девочка, ты успела, счастье-то какое! Вот разрешение на выезд, идем в вагон.

Она повела дочь в тамбур, но вдруг путь им преградил матрос.

Нарочито качающейся походкой проковылял он к Наде и, словно вылезший из норы краб, решительно схватил ее похожими на клешни руками под локоть, выразительно сплюнул и произнес:

– Минуточку, гражданка! Никуда она не поедет: наше место в Советской России.

Только теперь Вера Владимировна заметила, что ее Наденька беременна, и по тому, как прижалась ее девочка к этому страшному человеку, она поняла, что это тот самый злодей, который отнял у нее единственную дочь.

– Я не поеду с вами, я пришла, чтобы сказать вам об этом, и это мое окончательное решение, – выпалила Надя заученные слова, словно рапортуя на митинге, которые новая власть устраивала по каждому поводу, преследуя единственную цель – дать самовыразиться каждому плебею, дабы тот ощутил себя хозяином жизни.

Понимая, что все кончено, и она навсегда теряет дочь, Вера Владимировна, задыхаясь от слез, в отчаянии прокричала:

– Уедем, эта страна проклята! Тебе не будет здесь счастья, умоляю, уедем!

Надежда с безнадежной тоской молча смотрела на мать. Исполненный показного величия, матрос монументом застыл рядом – как олицетворение новой жестокой и бездуховной России.

Поезд тронулся, проводник втащил Веру Владимировну в вагон и запер дверь в ее прошлую жизнь.

Словно сомнамбула, вошла Вера Владимировна в купе, взяла книгу и начала водить глазами по строчкам.

«Люди подвержены страданиям низких миров от рождения до смерти. Кем бы мы ни рождались в шести мирах живых существ, мы нигде не будем свободны от природы страдания».

– «Да, вот они вихри сансары», – подумала Вера Владимировна.

Еще недавно обласканный судьбой, приближенный самого императора, ее отец был вдруг арестован Временным правительством, а их роскошный особняк разорен.

Уже тогда, сразу после освобождения отца, надо было бежать. Надеяться было не на что. И, может быть, она не потеряла бы свою девочку.

Когда же в октябре семнадцатого года власть захватила кучка оголтелых революционеров, увлекших за собой толпы невежественных, озлобленных людей, а свобода утонула в бес-

смысленном насилии, мышеловка захлопнулась – выехать из новой России было уже невозможно.

Только теперь, через семь лет унижений и мытарств, им разрешили покинуть пределы страны. Но дочери с ней не было, и отъезд не принес ни освобождения, ни радости.

– За что?! За что такие муки? Это же так несправедливо, – в отчаянии шептала Вера Владимировна. – Может быть, самобичевание отца не пустой звук? А что если именно Надя расплачивается за его великий грех? Грех непротivления распаду Империи.

Дрожащими руками она разыскала нужную страницу и прочла вслух:

«Место человека в каждом новом воплощении, его положение в обществе и судьба зависят от его деяний и деяний его близких, благих или дурных поступков в прошлых воплощениях. Возмездие за грехи определяется законом кармы».

Поезд монотонно стучал колесами, усугубляя страдания Веры Владимировны. Ее отец сидел напротив, отрешенно глядя куда-то в пустоту. Мысли его блуждали далеко в прошлом.

А прошлое было феерически ярким. Потомок шведского офицера, генерал от кавалерии, барон, возведенный в день 300-летия дома Романовых в графское достоинство, он верил в великую Россию и честно служил родине.

И теперь он никак не мог понять: что произошло с могучей многострадальной Россией? Зачем новая власть упразднила сословия, сословные звания и гражданские чины? Как могло случиться, что дети дворян опасались вспоминать собственных родителей? Страшась быть признанными дворянскими отпрысками, они уничтожали документы, письма и фотографии, прятали семейные реликвии, часто меняли фамилии и мигрировали по стране.

Впрочем, в этих метаморфозах есть и его вина.

Когда в Государственном совете, членом которого он состоял, провозглашались либеральные взгляды, ведущие к разрушению самодержавия, он возражал лишь про себя и ни разу не высказал своего возмущения публично.

Когда с начала войны он находился с Николаем II в Могилеве и был свидетелем принятия бездарных военных решений, он, пользовавшийся полным доверием государя, тоже молчал.

И, наконец, то, чего он никогда не сможет себе простить. Когда 2 марта 1917 года во Пскове он своей подписью скреплял машинописный лист с Актом об отречении от престола Богопомазанного Государя, он все еще мог убедить царя не делать этого во имя спасения России. Но, как и все его окружение, привык бояться, что при отсутствии лояльности к решениям монарха незаметно и мягко лишится своего положения при дворе. И хотя бояться было уже нечего, по рабской привычке он безропотно исполнил то, что было велено, не страшась большего наказания – проклятия Господнего до седьмого колена за причастность к разрушению Великой Российской Империи.

Поезд неожиданно остановился. Вера Владимировна закрыла книгу и посмотрела в окно. Мощные карельские скалы грозно возвышались в лесной чаще. На одной из них Вера Владимировна разглядела волка, вальяжно возлежащего в окружении покорной стаи. Вожак мирно спал, положив голову на вытянутые лапы, но даже в его ленивой расслабленной позе угадывалась могучая сила. Рядом с ним расположилась волчица, которая то и дело нервно привставала при излишне резвых действиях молодняка.

К вожаку, демонстрируя свое полное подчинение и покорность, подполз светло-серый волк. Прижав уши и поскуливая, он принялся лизать ему морду. Вожак ответил осторожным прикусыванием. Тот умиротворенно отполз в сторону. В это время мощный волк, лежавший несколько поодаль, вдруг резко вскочил и бросился на серого. Вожак привстал, оскалился, и хватило лишь одного стремительного взгляда его огненно-черных глаз, чтобы в стае мгновенно воцарился порядок.

ГЛАВА 1. БРАХМА

Часть I

СТАЯ ЛЮДЕЙ

После драматического отъезда Веры Владимировны из Ленинграда минуло шестьдесят лет.

Новенькая «Волга», давняя мечта Алексея, мягко шуршала шинами по асфальту Приморского шоссе. Спокойный и невозмутимый Алексей плавно вел машину по извилистому побережью Финского залива. Эх, видели бы сейчас его – талантливого конструктора, счастливого мужа и отца, родители! Какой гордостью наполнились бы их сердца!

Алексей, сын военного летчика, героя отечественной войны, погибшего при бомбежке Берлина в 1941 году, пережил тяжелое детство. Ока-завшись с матерью в блокадном Ленинграде, трехлетний Алеша заболел дизентерией и угасал у нее на глазах. Мать не в силах была смотреть на больного, голодного, жестоко страдающего сына и отдавала ему почти всю свою и без того скудную пайку хлеба. Алеша выжил, а мама вскоре умерла от голода.

В числе тысяч других сирот зимой 1943 года его вывезли из Ленинграда по льду Ладожского озера и определили в детский дом.

На переднем сидении автомобиля сидела жена Алексея Люба. Ее лицо освещала кроткая улыбка. Молодая женщина была счастлива счастьем своего мужа.

Прапрадед Любы, граф Владимир Борисович Фредерикс, министр Императорского Двора Российской империи, эмигрировал из Советской России вместе со своей дочерью – прабабушкой Любы в середине двадцатых годов. Бабка Любы, в вихре революционных событий порвала со своей титулованной родней и вышла замуж за красного командира Степана Рогожкина. Люба появилась на свет весной 1942 года. Отец Любы летом 1941 года ушел на фронт, а в сентябре на него пришла похоронка. Мать Любы ненадолго пережила своего мужа. И если бы не бабушка Надя, с трудом выходившая Любу в военное лихолетье, древний дворянский род закончил бы свое существование. Но беды маленькой Любаши не закончились. К концу войны не стало бабушки Нади. Девочка осталась круглой сиротой. На долгие годы ее прибежищем стал детский дом.

Слегка поворачивая голову, Алексей, время от времени смотрел на жену. Ее безмятежность согревала, ему было хорошо от тихой улыбки Любы. Будучи совершенно непритязательной, она могла довольствоваться тем, что имеет, и быть при этом счастливой.

На заднем сиденье расположилась их дочь – кукольно красивая смуглая девочка с большими выразительно-умными бархатистыми глазами. В Индии – стране, где родилась девочка и провела первые годы своей жизни, о ней говорили: «У нее глаза, как у оленя». Это была высшая похвала, которую здесь мог заслужить ребенок. Девочку звали индийским именем Майя.

В бурно развивающейся Индии Алексей, вместе с десятками советских специалистов, работал на строительстве гидроэлектростанции Балимела. В столице штата Орисса Бхубанешваре – городе тысячи храмов, в одном из самых почитаемых священных мест индуистов молодая семья провела двенадцать лет.

Пока шло строительство гидроэлектростанции, о ребенке они даже не помышляли, это непременно заставило бы вернуться в Советский Союз, а Алексей так мечтал увидеть запуск своего первого проекта. Люба понимала и поддерживала мужа в его планах.

Когда станция была запущена, ему предложили продлить контракт, нужны были опытные специалисты для обеспечения ее эксплуатации. К тому времени произошли послабления для работающих за границей, и специалистов с новорожденными детьми на родину уже не отправляли.

На семейном совете было решено родить ребенка и до исполнения ему семи лет оставаться в Индии. Это могло позволить им, воспитанникам детского дома, не имевшим никакого другого жилья, кроме места в общежитии, заработать себе на квартиру.

Решение было принято, но счастье не улыбалось им. Люба не беременела, чрево ее не хотело давать новую жизнь. А ведь она так страстно желала иметь детей!

В детстве, когда детдомовцы проводили лето в пионерском лагере, в родительский день к другим детям приезжали родственники. Они кормили, обнимали и целовали любимых деток, а Люба наблюдала за этой идиллической картиной, прячась в кустарнике, плакала от жалости к себе и уже тогда мечтала о своей собственной счастливой семье. Позже, когда ее подруги рожали, она радовалась так искренне, как если бы это были ее дети.

Теперь, когда настал черед ее счастливого материнства, который год подряд она не могла забеременеть. Ей не в чем было себя винить, но Люба чувствовала себя виноватой. Она так любила Алексея, что готова была уйти от него, чтобы с другой он смог стать счастливым отцом. Можно было, конечно, взять ребенка из детского дома, но это было бы эгоистично по отношению к Алексею, который мог иметь своих детей.

Она непременно возьмет ребенка из детского дома, когда отдалит от себя, бесплодной, любимого Алешу, думала Люба. Но между тем она понимала, что никогда не пойдет на это: он для нее был всем, и жизнь без него казалась ей бессмысленной, ненужной. Она страдала, но держалась из последних сил, не теряя надежды.

Алексей видел страдания жены и, как мог, пытался облегчить их. Со свойственным ему оптимизмом он шутил:

– В прошлом году это было несвоевременно: в Индии была страшная засуха. И вообще, как ты представляешь нашу семейную радость, когда в Японии цунами смыл пол-острова?!

Нежно обнимая жену, он ласково шептал ей на ухо:

– Любаша, все случится в нужное время.

Но иногда непонятно откуда выползала и, как наваждение, преследовала его предательская мысль оставить Любу. Он вытравливал из своего сознания эту крамолу, но она цеплялась за жажду отцовства, пряталась в потаенных местах подсознания и, вопреки его воле, все чаще и чаще появлялась при звуках детского смеха. Однако он понимал, что если оставит Любу, то никогда себе этого не простит. Каждый отпуск он вез ее в новую лечебницу или на курорт, рассчитывая на чудодейственное излечение.

Отношения не портились, но наступала очевидная отчужденность. Алексей все чаще пропадал на работе, и они все меньше времени проводили вместе.

Но однажды из телепередачи они узнали, что существует обозначенное верховным брахманом место, благоприятное для зачатия, куда в определенное время съезжаются молодожены и просветленные индусы, чтобы в богослужении дать миру новую жизнь с чистой кармой.

Согласно индуистским установлениям, зачатие, рождение, формирование и развитие человека – не только и не столько физиологический, сколько мистический процесс и потому требует постоянного освящения санскарами – очистительными ритуалами жизненного цикла.

В душе Алексея засияла звезда надежды и он обратился за советом к Балараме – ведущему инженеру гидроэлектростанции. Брамин по происхождению, представитель высшей касты, он был высокообразованным как в светском, так и религиозном смысле человеком. Ореолу духовной славы он был обязан и деду, принявшему аскезу. Изнулив себя голодом, дед закончил свой жизненный путь.

Баларама с большим вниманием выслушал Алексея, взял его правую руку, пристально рассмотрел ладонь и сказал:

– Я вижу дочь, более того, я вижу дочь твоей дочери, которая будет прямым перевоплощением своей матери, что, впрочем, не очень хорошо. Но вам с Любой надо очистить кармы от запретов на священное продолжение жизни во Вселенной.

– Если ты имеешь в виду избавление от плода, то этого не было, – попытался оправдаться Алексей.

– Мысль также материальна, – со священно-мистическим видом произнес Баларама. – Учение о карме утверждает, что не только за физическое или моральное действие, будь то поступок или слово, но и за духовное – мысль – карма воздает соответственно. В законе кармы нет прощения, но есть искупление. Возьми, к примеру, эту скатерть, – философски продолжал Баларама. – По своей природе она белая, но, когда ты ею пользуешься, она становится несвежей и на ней появляются пятна. Ты отдаешь ее прачке, и та возвращает тебе белую свежую скатерть. Подобно скатерти, твоя душа чиста, но наше эго загрязняет ее, нечистые помыслы, низменные желания отдаляют нас от духовного начала. Садхана – духовная практика – подобно заботливой прачке, очищает душу, и она снова обретает чистоту. Даже самые мудрые наставления не принесут пользы тому, кто страшится действия. Что проку от светильника в руках слепого? Я смогу вам помочь лишь в том случае, если вы готовы приступить к духовной практике очищения.

Ради ребенка от любимой женщины Алексей готов был петь мантры, сгибать себя в кольцо, стоять на голове. Но, вопреки его ожиданиям, Баларама принес Махабхарату, эпос древней Индии, и передал со словами:

– Это священная книга о философии, религии и других сторонах жизни Индии. Не прочитав ее, вы не сможете проникнуть в суть индуизма и приступить к духовному просвещению.

Долгими вечерами Баларама обсуждал с Алексеем и Любой ключевую часть священного писания – Бхагавад-Гиту, в котором Кришна ведет диалог с принцем Арджуной, чье послушание и мужество стали для индусов примером исполнения религиозных предписаний.

– Индуизм не требует постоянного посещения храма, – деликатно заметил как-то Баларама. – Вера живет в сердце человека, но все индусы имеют в доме алтарь, фигурку бога, которому поклоняются, регулярно возлагают цветы и пищу. В вашем случае это безусловно должен быть Брахма – творец и правитель мира, отец богов и людей, сын Верховного Существа Брахмана и женской энергии, известной как Пракрити, или Майя.

С этими словами Баларама поставил на стол фигурку Брахмы.

– Мы не сможем понять Вселенского бога, если не познаем его в персонифицированном виде. В действительности существует только один бог, который является нам во многих проявлениях. Все они – лучи света этого божественного источника. В этом смысле и Иисус, и Мухаммед, и Будда – это тоже, наряду с Брахмой, лучи единого бога. К слову сказать, – с видом мудреца, раскрывающего великую тайну, заметил Баларама, – мало кто знает, что Иисус Христос восемнадцать лет осваивал в Индии йогу и духовные практики. Он и сам – инкарнация Будды, который, в свою очередь, был инкарнацией Вишну.

Алексей взял фигурку и стал пристально рассматривать лица божества.

– Четыре головы Брахмы олицетворяют четыре Веды, – пояснил Баларама. – Каждая непрерывно декламирует одну из Вед: Риг, Саму, Яджур и Атхарву. Белая борода символизирует вечную природу его существования. Четыре руки Брахмы указывают на стороны света. Задняя правая рука представляет ум, задняя левая – разум, передняя правая рука – эго, а передняя левая – уверенность в себе.

– Я что-то не припомню храма, посвященного Брахме, – заметил Алексей.

– В Индии существует всего несколько храмов бога Брахмы. Его культ очень мало распространен, хотя Брахма, наряду с Вишну и Шивой, является одним из трех основных богов индуизма. В ведических и пуранических текстах говорится, что Брахма редко вмешивается в

дела людей. Но в вашем случае, и я в это искренне верю, Брахма поможет вам, – горячо завершил свое повествование наставник.

– Баларама, – робко спросила Люба, – ты научишь нас сделать так, чтобы наши молитвы были услышаны во Вселенной?

При этих словах Алексей забеспокоился. Советские специалисты запросто заходили в гости друг к другу, и он почти воочию увидел, как к ним приходит секретарь парткома, воинствующий атеист Порфирий Васильевич, видит их обращенных с молитвами к Брахме и ни слова не говоря готовит представление на их отъезд из Индии.

Баларама, словно почувствовав эту угрозу, сказал:

– Ваше обращение в индуизм практически невозможно, но вы можете взывать к индуистским богам через Брахму. И если это обращение будет искренним, боги услышат вас и даруют то, что вы просите. В домашнем храме – одной из комнат богато оформленной по канонам индуизма, индусы поклоняются высшему божеству Ишваре. Но не все могут выделить для этих целей отдельное помещение, и в этом случае достаточно простого домашнего алтаря. Ваша пуджа – благоговение перед богом – может проходить скромно, но важно ежедневно ранним утром осуществлять песнопения и подношения из цветов и фруктов. И тогда вам будет дарована божественная энергия, которая очистит вашу карму.

В один из вечеров Баларама водрузил на стол глиняную чашечку с фитилем и превратил ее зажжение в священнодействие. Он объяснил, что дейя – так называлась эта чашечка – является непременным атрибутом религиозных церемоний и обрядов. Налив в нее благовонное масло, Баларама зажег фитиль, сел в позу лотоса и стал призывать богов, распевая мантры.

– Магическое сочетание звуков помогает соединиться с высшими силами, а медитация – отделить себя от бренных мыслей и мира вещей. Это приводит к успокоению и гармонии, – наставлял Баларама. – Вибрации, возникающие при пении мантр, способны привести к явлению Бога в человеке.

Баларама объяснил, что один из главных постулатов индуизма о ненасилии ко всему живому – ахимса – обусловлен учением о перевоплощении и распространяется на употребление пищи.

– Поедание животной пищи требует убийства, а так как человек после смерти может стать животным, то и любое животное потенциально является человеком. Значит, при широком понимании всего живого на Земле, убивать и есть мясо – каннибализм. Никто не знает, чья душа находится, например, в козе, чье мясо человек ест. А если это душа умершего отца или матери? Поэтому всякий, принимающий индуизм как учение, должен быть вегетарианцем. Древняя мудрость гласит: «Нельзя разбудить человека, который притворяется, что спит». Вы не сможете достичь цели, не соблюдая ахимсу.

К индийской кухне Люба с Алексеем привыкли давно и знали, что, если в гости к ним придут индусы, мясо на столе недопустимо. Так что от мясной пищи они отказались на удивление легко и больше никогда к ней не возвращались.

Как-то в воскресенье Баларама пригласил Любу с Алексеем в свой дом.

Всюду курились благовония, звучали мантры. По дому ходил павлин, то и дело распуская царственный хвост.

– Хороший знак, – заметил Баларама. – Он редко покидает сад.

Жена Баларама Анкита приготовила изысканные индийские яства. Люба, по отзывам соотечественников, превосходно готовила блюда индийской кухни, но то, как это делала Анкита, было выше всех похвал.

Гостей ждали три вида протертых супов. Алексей испробовал все и объявил, что его обед на этом завершен. Нан, то есть лепешки, выпеченные в тандуре, Баларама готовил сам.

Они были с разнообразными специями, ни одна лепешка не походила по вкусу на другую. Приготовленные Анкитой баклажаны были истинным кулинарным чудом.

Люба много раз готовила оригинальное блюдо под названием самоса, которым восторгались все гости, но такой сочный и нежный фарш приготовленный Анкитой из овощей ей не удавался никогда, уже не говоря об изящной форме каждого самоса.

Десертам не было конца. Люба спросила хозяйку, как та готовит кервай – маленькие фаршированные банановые шарики так, что он не разваливается. На что Анкита почти извиняющимся тоном ответила:

– Бананы должны быть неспелыми.

Чай был одного вида, но какой! Знаменитый имбирный чай готовили на глазах у гостей. Имбирь, мед, лимонный сок и черный молотый перец, поочередно перемешивая, варили, остужали, отжимали, растворяли, мешали, процеживали. В итоге получился пикантный сытный напиток.

– Этот чай, – как бы невзначай заметил Баларама, – способствует очищению всей детородной системы как у мужчин, так и у женщин.

В саду всех ждал красочный костюмированный спектакль, подготовленный детьми. В ярких одеждах, торжественно и пафосно дети играли фрагменты из «Махабхараты», где Брахма представлялся как создатель Вселенной управляющий течением времени.

Ближе к вечеру Баларама привел гостей в богато украшенный домашний храм, здесь же расположилась вся его семья. В центре алтаря на полу стоял мурти семьи Баларама – металлическая статуэтка Ганеши, слоголового бога мудрости. На стене висел портрет деда Баларама – семейного гуру.

Усевшись перед алтарем в позе лотоса, Баларама приступил к совершению пуджи. Он зажег лампу, и все положили гирлянды цветов к стопам божества. Баларама начал песнопения, во время которых делал подношения Ганеше в виде изысканных блюд, приготовленных накануне для ритуала.

Священные тексты Баларама распевал на хинди, и Люба с Алексеем не могли понять их смысла, но то блаженство, которое они испытали, слушая божественные гимны, привело их в состояние невесомости и, казалось растворило в вечности...

Затем Баларама приступил к купанию Ганеши, поливая его молоком, которое собиралось в специальном углублении. После купания Ганеша был тщательно вытерт и украшен. В заключение ритуала Баларама собрал из углубления молоко, ставшее, по его утверждению, освященным и чудодейственным, и налил его в правую ладонь каждого присутствующего. Все омыли лицо и волосы божественной жидкостью.

Баларама пояснил, что, совершая пуджу, он просил богов о семейном счастье Алексея и Любы.

– В индуизме известны три главных способа достижения духовной чистоты, – умиротворенно и, в то же время, торжественно сказал он. – Джнана-йога – спасение через познание и медитацию. На пути к духовному очищению вы изучаете священные книги. Бхакти-йога – спасение через самопожертвование. Вы отказались от многих привычных для вас вещей, постоянно обращались к Брахме и тем самым принесли свою жертву. Третий способ, Карма-йога – ритуалы жертвоприношения. Для достижения духовной чистоты вам осталось совершить паломничество к святым местам. Но сделать это можно только по зову сердца, по искреннему внутреннему побуждению. Вы готовы к санскаре?

Люба улыбнулась такой светлой улыбкой, что ответа не понадобилось.

– Тогда на следующей неделе я приглашаю вас совершить паломничество в Храм Солнца в Конараке.

До города Пури добрались поездом, а оттуда по живописному побережью Бенгальского залива направились в Конарак на такси.

Конарак оказался маленьким, ничем не примечательным городком, но уже само его название, означающее «Край солнечного света», многое обещало.

– Сегодня вы увидите жемчужину Индии – величественный храм древнего индийского бога Солнца Сурьи, построенный прославленным правителем Ориссы раджей Нарасимхадевой Первым на берегу Бенгальского залива еще в тринадцатом веке, – начал рассказ Баларама. – Великий завоеватель поклонялся богу Солнца и считал, что все победы он одерживает только благодаря милости и покровительству Сурьи, почитаемого как всевидящее око богов, небесного стража, носителя света и целителя. К строительству храма Нарасимхадева приступил на пятый год правления, считающийся в индуизме наиболее благоприятным для подобных начинаний, и закончил сооружение храмового комплекса в рекордные даже для нашего технологического века сроки – через восемнадцать лет.

– Да, нам бы его секреты стахановского строительства, – заметил Алексей.

– Боюсь, сегодня эти методы не приемлемы, – улыбнулся Баларама.

– Может быть, у вас, инженеров, какое-то свое видение пространства, но я не понимаю: если храм был построен на берегу, то почему же моря возле него вовсе не видно? – спросила Люба.

– Дело в том, – ответил Баларама, – что раньше ступени храма действительно омывались морскими волнами, но живая земля находится в непрерывном движении, и за сотни лет море отступило на три километра.

Паломники наконец добрались до Храма. Он был построен в виде гигантской колесницы, вознесенной ввысь тремя большими уступами, перед которыми располагались каменные скульптуры.

– Эта и есть бог Сурья, – сказал Баларама, указав на величественную статую. – Сурья стоит по всем четырем сторонам храма, а лев, напавший на слона, это олицетворение силы строителя храма Нарасимхадева – ведь его имя переводится как «человек-лев». Колесницу везли семь священных коней, что означает ход времени. Как видите, до настоящего времени сохранилась лишь пара лошадей.

– Вглядитесь, с какой филигранной тщательностью исполнены детали скульптуры Сурьи, – заметила Анкита. – Кажется, что ожерелья бога не часть мощной глыбы, а отдельно изготовленные и надетые драгоценные ювелирные украшения. С таким же изяществом здесь выполнены все скульптуры и барельефы, а резьба отличается богатством форм и утонченностью исполнения.

Подошли к огромным, в два человеческих роста, колесам. В своем основании храм имел 24 вырубленных из камня колеса – по двенадцать с каждой стороны. На гигантских колесах и стенах Храма Солнца барельефы изображали эротические сцены.

– Два колеса, соединенные осью, символизируют мужское и женское начало, супружеский союз Неба и Земли, – продолжал экскурс Баларама. —Тема земли и неба, мужского и женского начала, пребывающих в супружеском союзе, говорит нам о космическом единстве макрокосмоса и микрокосмоса, достигаемом во время соития мужчины и женщины. Многие ошибочно считают, что эротические сцены изображены лишь в храме любви, который в Кхаджурахо, но это не так. Здесь на колесах и дальше по всему периметру святилища вы увидите скульптуры мужчин и женщин в любовных объятиях. Вы были в Кхаджурахо?

– Советским людям чужда апология секса, – отшутился Алексей.

– И совершенно напрасно! – воскликнул Баларама. – Индуизм рассматривает секс не как естественную потребность, сводящуюся лишь к физическому удовольствию. Сексуальная близость имеет магическое значение. Это божественный ритуал, ведущий к духовному озарению

и раскрывающий истину Вселенной. Чувственное удовольствие, получаемое при соитии мужчины и женщины, обозначается термином кама. Сакральный характер кама делает ее одной из четырех целей человеческой жизни – Пурушартхи.

– А какие три другие? – спросил Алексей.

– После кама в восходящем порядке следуют: артха – материальное процветание, дхарма – мораль, праведность и мокша, как мы с вами теперь знаем, это освобождение из круговорота рождения и смерти, – ответил Баларама и продолжил экскурсию:

– Но вернемся к дворцу. Центр святилища украшает башня, остатки которой величественны и сейчас. Но это лишь половина от ее истинной величины, составлявшей некогда более шестидесяти метров в высоту. Согласитесь, для тех времен это были поистине гигантские размеры! В конце шестнадцатого века произошли какие-то события, приведшие к разрушению храмового комплекса, что заставило людей покинуть его. Существует много версий, почему это произошло. То ли это следы стихийного бедствия, то ли дело рук мусульман или европейцев. Но тайна разрушения храма не раскрыта до сих пор. Свое второе рождение храмовый комплекс получил в середине восемнадцатого века благодаря паломничеству Баба Брахмачари: он обнаружил храм в плену тропического леса, который практически поглотил постройки. И лишь недавно храм освободили от джунглей.

Баларама еще долго показывал храмовый комплекс и увлекательно рассказывал о его истории. Наконец он привел всех в тень деревьев и интригуяюще произнес:

– Теперь о самом главном. В месяц Магха, одиннадцатый месяц индуистского календаря, когда Солнце входит в созвездие Козерога и активизируются вселенское Сознание и вселенская Энергия, сотни тысяч индусов съезжаются в Сангаме, чтобы очистить карму и попытаться выйти из сансары, то есть освободиться от цикла перерождений и слиться с вселенским Абсолютом – Брахманом. Сангаме – священное место слияния Ганги и Ямуны, где образуется незримая третья река – Сарасвати. На четырнадцатые сутки темной половины месяца Магха наступает великая ночь Бога Шивы, знаменующая бракосочетание Шивы и Парвати. Начиная с этой ночи, паломники трижды купаются в священных водах Ганги и Ямуны, чтобы смыть свои грехи и укрепить семейные отношения. – Баларама умолк, внимательно посмотрел на зачарованных его рассказом супругов и с воодушевлением продолжил:

– Сегодня как раз канун четырнадцатой ночи! Ступайте в святилище Храма солнца и принесите дары Сурье, уничтожающему все недуги. А с заходом обратитесь к Шиве с просьбой о ребенке. Когда же появятся первые лучи солнца, совершите омовение в священном пруду, что находится на пути к морю. Космос услышит вас, и вы получите божественный импульс для зачатия новой жизни.

Три дня Алексей и Люба взывали к богам, три дня омывались в водах чудодейственного пруда.

Вскоре верховный брахман объявил очередное время и место сансары зачатия. Люба и Алексей оформили отпуск и с волнением стали ждать предстоящего события, которое на этот раз должно было состояться в городе Каньякумари на южном окончании Индии, где у мыса Коморин два моря соединяются с океаном, где солнце поднимается из моря и погружается в море, где в горах живут садху, исцеляющие всех жаждущих спасения.

– Неподалеку от Каньякумари, – напутствовал перед отъездом Баларама, – находится гора Марутувазмалай, что в переводе означает: гора, где живет исцеление. Легенда гласит: когда во время битвы Рамы и Равваны неподалеку от Шри-Ланки был смертельно ранен брат Рамы Лакшман, понадобилась волшебная трава Сандживи. Только ее чудодейственная сила могла исцелить его. Трава эта произрастала на вершинах гималайских гор, и принести ее в нужное время был способен лишь умевший летать Хануман. Но он совершенно не разбирался в лечебных травах, поэтому, не раздумывая, взял всю гору вместе с растительностью. На обрат-

ном пути Хануман обронил часть горы близ Каньякумари, и теперь там растет много уникальных лекарственных растений. В пещерах горы Марутувазмалай живут и медитируют садху, которые знают уникальные секреты лечебных трав. Идите в ашрам, расположенный на пути к вершине горы, там отшельники занимаются врачеванием всех, кто к ним обращается, расскажите о своей проблеме, и они помогут вам.

До мыса Коморин добирались почти двое суток на всех видах транспорта: от самолета до рикши. Несмотря на огромный приток паломников, легко устроились в небольшой гостинице на самом побережье.

В храме Каньякумари круглосуточно распевались мантры в честь богов, и все желающие в любое время могли присоединиться к молитве. Здесь же или в уединенных специально оборудованных местах, можно было медитировать. Особенно рекомендовались медитации с восходом солнца. Зрелище это поистине завораживало. Поражала сама масса медитирующих. Тысячи пар стекались к побережью, чтобы увидеть великое волшебство рассвета.

Сумерки рассеивались. Там, где море плавно перетекало в небо, появлялся нежный алый свет, перерастающий в багровую зарю, разливавшуюся по бескрайнему морю. Солнце скупно выбрасывало в небо первые лучи, а вслед за ними появлялся огромный бледно-желтый полукруг, на который можно было смотреть не щурясь. Но поднимаясь над горизонтом, солнце бронзовело и ослепляло своим сиянием. Отражаясь от морской поверхности, солнечные лучи пронизывали мир космической энергией; человек чувствовал себя ничтожной песчинкой и частью могущественной Вселенной одновременно. Возникало ощущение, что солнце рождается вновь и дарит людям новый счастливый день.

Море торжествовало и с силой билось о скалы. Казалось, оно вместе с людьми с нетерпением ожидало рассвета, желая заиграть перламутровыми бликами волн под лучами жаркого солнца благословенной Индии.

Неподалеку от берега из моря едва выступал маленький островок, который с восходом солнца, казалось, увеличивался в размерах.

– Ты знаешь, – обратился Алексей к Любе, – на этом острове находится мемориал индийскому духовному лидеру Свами Вивекананде. Он не прожил и сорока лет, но стал символом индуизма. В поисках духовной истины он прошел вдоль и поперек всю Индию. Когда добрался до Каньякумари, то вплавь преодолел вот этот пролив, чтобы попасть на остров. А на острове он уединился в крохотной пещере и стал медитировать, размышляя о судьбе Индии. Так провел он три дня и три ночи. Поэтому именно здесь построили мемориал. Надо бы нанять лодку и побывать там, хочешь? – взглянул Алексей на жену. Люба с готовностью кивнула. – Позже, в 1893 году, за десять лет до смерти, он представлял индуизм на Всемирном парламенте религий. А его дальнейшая деятельность по популяризации индуизма и индийской культуры пробудила к ним интерес во всем мире. Великий был человек! – восхищенно вздохнул Алексей.

– А я вычитала, что на этом маленьком островке находится куда более романтичный, я бы сказала – мистический объект. Вот послушай. Давным-давно, – по-детски таинственно начала свое повествование Люба, – когда это место было частью царства Параваров и славилось лучшим в мире жемчугом, сюда прилетел демон Бана. Над царством нависла смертельная опасность. Тогда боги создали Деву Кумари и наделили особой способностью: ее совершенство и чистота делали демона бессильным. Прошло время, слух о неземной красоте Каньякумари долетел до Бога Шивы, и он решил взять ее в жены. Однако другие боги не могли допустить этого: ведь только девственная Канья могла разрушать силы тьмы. И тогда обратились боги к мудрецу Нараде с просьбой расстроить свадьбу.

Нарада взялся устроить бракосочетание и выставлял Шиве заведомо непреодолимые условия, чтобы он не мог взять в жены богиню Каньякумари. Но для великого бога Шивы не существовало препятствий, и Нарада пошел на последнее ухищрение. Он сказал, что по рас-

четам астрологов нет ни месяца, ни дня, ни часа, что благоприятствовали бы этой свадьбе. «Тогда, – ответил Шива, – свадебная церемония произойдет в полночь, когда один день будет сменяться другим, старый месяц кончится, а новый не начнется. Это будет мгновение между часами, днями и месяцами». Наступила назначенная ночь. Одетая в свадебные наряды Дева Кумари ждала жениха. В сопровождении пышной процессии в кромешной тьме Шива направился к невесте. Хитрый Нарادا превратился в петуха и трижды прокукарекал в неурочное время рассвет. Шива, услышав пение петуха, решил, что он опоздал к началу свадебного ритуала и вернулся назад. Свадьба не состоялась, и безутешная Каньякумари отправилась на этот самый остров, где простояла на одной ноге тысячу лет в ожидании своего жениха. Вокруг камня, где остался след от ноги «вечной невесты», возвели памятное сооружение. Похоже, это вот то небольшое строение с плоской крышей. – Люба замолчала и взглянула на мужа. Тот сосредоточенно ее слушал, ожидая продолжения.

– Да не надо так расстраиваться, – шутливо обратилась Люба к сосредоточенно слушающему ее Алексею. – Легенда гласит, что девственная невеста дожидается жениха, свадьба все же состоится, и ты сможешь стать гостем на этом пиршестве.

– Это как? – удивился Алексей.

– Потеряв с первыми лучами солнца надежду стать женой Шивы, Каньякумари в отчаянии превратила все, что было приготовлено для свадебных торжеств в камень. Со временем все крупные предметы разбились, в целости остались лишь рисовые зерна. И каждый, кто найдет на берегу камешек в форме рисового зернышка, будет приглашен на свадебный пир. Я вот парочку уже нашла. – С этими словами Люба вынула из кармана камушки, действительно похожие на рисовые зерна. – На вот, держи. Я, так и быть, поделюсь с любимым мужем!

Алексей засмеялся и крепко обнял жену.

Встретив рассвет, поток паломников устремился в [храм](#) вечной невесты бога Шивы.

После утреннего омовения Люба с Алексеем направились вслед за ними. У храма было множество калек и отшельников, которые, похоже, здесь и жили. Пройдя мимо стены, ярко раскрашенной в белый и красный цвета, вошли в храм, миновали колоннаду, в которой на гранитных столбах были высечены фигуры женщин с протянутыми руками-светильниками и погрузились в прохладу святилища. Пуджари играли на рабабах, били в барабаны и пели мантры, распространяя вибрации жизни. Любовь и Алексей омыли маслом каменное изваяние богини Каньякумари, возложили у ее ног гирлянды цветов, устроились в уголке храма и стали медитировать.

После обеда они наняли рикшу и поехали в Сучиндрам, маленький городок неподалеку от Каньякумари, в храм Тханумалаян, где поклоняются тримурти – Брахме, Вишну и Шиве.

Прямоугольный комплекс храма уходил в небо. Множественные храмовые скульптурные группы отражали сюжеты великих индийских эпосов. Колонны храма были украшены изображениями мифологических персонажей. Посетители подходили к колоннам и ударяли по ним, а те издавали мелодичные звуки разной тональности в зависимости от силы удара. Люба тоже подошла к колоннам и слегка тронула их рукой. Полились волшебные звуки, настолько высокие и долгие по звучанию, что зачарованные паломники еще несколько раз просили ее воспроизвести этот космический звук.

Истиной целью посещения храма был лингам – символ божественной оплодотворяющей силы, сочетающий в себе всех трех богов в единой форме. Он находился в одном из двух главных святилищ. Отшельники с горы Марутувазмалай посоветовали им побывать в храме, пролить на лингам – символ божественной оплодотворяющей силы – молоко и омыть живительной жидкостью, полученной после омовения лингама, лицо и волосы.

Возле храма было небольшое озеро с белоснежной многоярусной башенкой посередине. После обряда Алексей и Люба уютно устроились на берегу под тенью пальмы и долго наслаждались изяществом храмового ансамбля.

С ангельской легкостью в теле и с радостью в душе возвращались они вечером в Каньякумари.

Закат вселял покой и умиротворение.

Казалось, за день солнце замучила жажда, и оно поспешно устремлялось в море. Но испив освежающей влаги, небесное светило зависало над морем огромным огненным полушаром, и нехотя погружалось в водную гладь, утрачивая свой величественный блеск.

Но блеск этот не исчезал, он передавался морю и небу. Море переливалось золотистыми тонами, а на небе играли ярко-розовые краски с красно-оранжевыми оттенками.

Наступали сумерки, и горизонт растворялся между морем и небом.

Однажды вечером, когда Алексей с Любой, по обыкновению, сидели на скале и наблюдали закат, с востока подул сильный ветер и многочисленные облака устремились на запад, куда уходило солнце. Ближе к горизонту багровые облака чернели и исчезали, поглощаемые гигантским светилом. Люба прижалась к Алексею и прошептала:

– Мне страшно. У меня такое чувство, что сейчас в эту огненную лаву затянет и нас.

Алексей обнял ее и как всегда с уверенностью произнес:

– Не бойся, родная, родная, ветер уносит и солнце сжигает только черные тучи, а белые облака – чистые, добрые и ласковые – остаются с нами. Посмотри на небо: оно полно тепла и света, и мы пребываем в этом светлом пространстве.

Исполненные оптимизмом слова успокоили Любу. Ей стало тепло и уютно рядом с этим сильным мужчиной, ее мужем. И тогда она решила окончательно развеять беспокойство, охватившее ее в последние дни.

– Ты знаешь, Алеша, вот уже несколько дней мне снится один и тот же сон. Будто сидим мы с тобой вдвоем вот так на берегу, с моря наступает туман, и как-то тревожно становится на душе. Туман сгущается и превращается в плотное белое облако. Ты нежно обнимаешь меня за плечи и ведешь в эту густую дымку. Мне страшно, но я повинуюсь и молча иду с тобой в невесомую облачную даль. Впереди слышны детские голоса и веселый смех. Дети бегут нам навстречу, окружают нас и резвятся. Я спрашиваю тебя: «Кто это?», а ты отвечаешь: «Это наши дети». Облако поднимается все выше, внизу синее бесконечный океан, дети безмятежно спуют подле нас, и солнце с лучами, как на картинке, улыбается нам. Внезапно дети убегают в другой конец облака, сильный порыв ветра разрывает его, и мы уже не вместе. В отчаянии я просыпаюсь.

– Ну что ты, милая, – ласково произнес Алексей и поцеловал жену в склоненную голову. – И такой прекрасный сон беспокоит тебя? Да ведь это четкий знак того, что у тебя будут дети, причем не один ребенок, а много, разве это может вызывать страх? Ну, а что касается разлуки, так человек не вечен. Увы, наступает час, когда мы уходим, а дети остаются. Это неколебимый закон природы.

Повсюду проходили беседы и диспуты, но, к сожалению, только на хинди. Наконец, они нашли группу иностранцев, где занятия велись на английском. Люба им владела свободно, а за время изучения Махабхараты преуспел и Алексей. Беседы велись вокруг семейных ценностей. Вечная и простая, как день, проблема приобретала неожиданное звучание. В индуизме священность супружеского союза обеспечивается совместной медитацией, которая приводит к тому, что супруги, осознавая и почитая божественное начало в партнере, приходят к его обожествлению. Предписываемая длительная и пристальная совместная фиксация внимания супругов на зеркале души, глазах друг друга, укрепляет любовь, рождает взаимопонимание и

взаимоуважение. Секс в индуизме – священное соитие двух противоположностей, синтез двух тел и душ в любви, сладости и нирване. Зачатие ребенка делает человека сотворцом высших сил. А его рождение – это не что иное, как чудодейственный, божественный процесс.

Ребенок был зачат. Сила бога проявила себя. Люба и Алексей были безмерно благодарны своему гуру Балараме за то, что он указал им верный путь. Имя Баларама в переводе с санскрита, как они позже узнали, обозначает: «сила бога».

Вынашивание проходило так, как если бы Люба не была беременна. Вопреки традициям, установленным в среде советских рабочих, рожать остались в Индии. Девочку, родившуюся в Индии и благодаря Индии, решили назвать индийским именем. Перебрали множество имен. Более всего по смыслу подходила «Эша», что означает «желанная». Но как с таким именем будет жить девочка в Союзе, вопрос был далеко не второстепенный. Поэтому сошлись на имени, которое часто встречалось на их родине – индийском имени Майя, что в переводе с санскрита означает «энергия». Так звали прародительницу Вселенной – мать индийских богов.

Самое живое участие в выборе имени, конечно же, принял Баларама. Он признался счастливым родителям, что они – его первые духовные ученики. Дело в том, что для его детей наставником был его мудрый отец.

– Впрочем, – оптимистично заметил Баларама, – для детей своих детей я определенно буду духовным учителем, как мой благочестивый дед был моим, но пока именно вы мои первые ученики, причем успешные. Мой дед учил меня, – глубокомысленно произнес Баларама, – «Думай при каждом пробуждении: “Какое добро совершить мне сегодня? Зайдет солнце и унесет с собой часть моей жизни”. И тогда все в твоей жизни сложится по законам мироздания». Эти мудрые слова я дарю вам на счастье.

Алексей резко затормозил и остановился. За поворотом прямо на проезжую часть, отчаянно размахивая руками, выскочил мальчик лет десяти. Он подбежал к приоткрытому окну автомобиля и стал упрашивать:

– Дяденька, возьмите щенка, пожалуйста, иначе папа их утопит, смотрите какие хорошенькие.

Только теперь Алексей увидел у обочины дороги коробку, из которой выглядывали три милые щенячьи мордашки. Уже довольно большие, щенки с любопытством высовывались из нее, то и дело повизгивая и пытаясь выпрыгнуть.

– Нет, мальчик, мы едем в санаторий и не можем взять щенка, с ним нас там просто-напросто не примут.

– Какие хорошенькие, давайте посмотрим, – взмолилась Майя.

В Индии не принято отказывать желаниям детей. Именно поэтому, по мнению Алексея, индусы такие эмпатичные и отзывчивые. В этих традициях любви и доброты воспитывалась Майя.

Алексей съехал на обочину, и все вышли из машины. Майя подошла к коробке, и наиболее резвый щенок буквально запрыгнул к ней в руки.

– Папа, посмотри какой чудесный волчонок, – воскликнула Майя. – Мы непременно должны его взять.

Мальчик между тем стал рассказывать о том, как в свое время уговорил отца взять в дом собаку, отец разрешил, но с двумя условиями: собака должна быть небольшого размера, во-первых, и мальчиком – во-вторых. Все условия были выполнены, и в доме появился Тузик, который стал расти, как в сказке, не по дням, а по часам, вырос в настоящую овчарку и за два года принес два приплода.

Все развеселились, а он продолжал:

– Я вам честно скажу, это породистые овчарки, но остались только девочки, мальчиков разобрали. Проявите любовь к братьям нашим меньшим, – заключил он и жалобно добавил: – Возьмите одного, иначе папа их утопит.

Услышав это, Майя заплакала:

– Мапочка, папочка, давайте возьмем всех.

– Ладно, берите одного, а двух я пристрою, – деловито вмешался мальчик, взял коробку с оставшимися щенками и зашагал прочь.

Счастливая Майя, считая вопрос решенным, со щенком на руках направилась к машине, а Люба обняла мужа и ласково произнесла:

– Не переживай, как-то все устроится.

«Волга» тронулась с места. Сквозь янтарные сосны просматривался Финский залив. Берег, усыпанный валунами, казался суровым и неприветливым, но яркое солнце, отражавшееся в играющих с мощными валунами волнах, сглаживало эту суровость и вызывало умиротворение.

Люба потянулась к Алексею и нежно поцеловала его.

– Сиди спокойно, – с напускной строгостью проговорил Алексей. – Дорога полна неожиданностей.

– Звери что ли могут выскочить на дорогу? – раздалось с заднего сидения, где Майя забавлялась со щенком. – Так у нас защитник есть. Ух, какой свирепый! – нарочито проревела она, изобразив гримасу на милом личике.

Безмятежно счастливое детство Майи прошло в благословенной Индии.

Люба и Алексей страстно желали, чтобы их доченька играла на фортепиано, и Майя оправдала их надежды, но девочка с раннего детства тянулась к танцу. Когда двухлетняя Майя встраивалась в группу танцующих и с поразительной точностью повторяла витиеватые позы распространенного здесь утонченного танца одисси, это всех умиляло и поражало: ведь одисси, где каждый жест несет свою смысловую нагрузку, где в танце можно рассказать целую историю, постигают годами.

Под напором индийских друзей Майю отдали в школу танца, где преподавала Махари, что означает «избранная». Так называют храмовых танцовщиц в Орисси. Она, было, отказала родителям в приеме трехлетней девочки, к тому же не индуски, но увидев ее в танце, сказала:

– Я сделаю из тебя храмовую танцовщицу. Хочешь?

Не понимая смысла сказанного, Майя воскликнула:

– Да, хочу, очень-очень хочу, я всегда об этом мечтала!

С тех пор за ней закрепилось второе имя «Храмовая танцовщица» и она, думая, что это что-то важное и сказочно-таинственное, с самозабвением занималась.

Майю в совершенстве обучили утонченному искусству одисси – самому древнему, а потому и самому почитаемому из восьми классических стилей танца Индии.

Ей с изяществом змеи удавалось управлять своим телом, причем по канонам стиля, независимо друг от друга выполнять пластические рисунки на уровне ног, корпуса и головы.

А когда Майя замирала в классической позе и стояла не шелохнувшись длительное время, она была похожа на мраморную статуэтку.

Маленькая Майя феноменально быстро овладевала секретами мастерства и уже через три года была удостоена чести танцевать на Ратха-ятре – празднике колесниц, символизирующем возвращение Кришны в обитель своего детства – Вриндаван. Праздник колесниц ежегодно проводился на берегу Индийского океана, в городе Пури, где находится один из четырех самых почитаемых храмов Индии Джаганат, который каждый индуист должен посетить в течение жизни.

Теперь, когда гидроэлектростанция вышла на полную мощность, а Майе исполнилось семь лет и пора было идти в школу, они вернулись в Ленинград, где на накопленные за годы работы в Индии чеки – заменители валюты – разом обзавелись квартирой и машиной.

И вот, счастливые, они ехали в санаторий.

– Через пару километров будем на месте, – уверенно произнес Алексей, и Люба, почувствовав силу в его голосе, ощутила умиротворение.

Но в это самое мгновение с возвышенности, что шла справа от дороги, в них с бешеным ревом врезался «Камаз». При съезде с холма у машины отказали тормоза, и она стремительно понеслась вниз. Вместо того, чтобы направить автомобиль в лес, ошалевший от страха водитель стал отчаянно сигналить и выскочив на Приморское шоссе, подмял под себя переднюю часть «Волги».

От страшного удара Майя упала в проход между сидениями. Мелким бисером на девочку посыпались осколки стекла. Щенок испуганно заскулил. Майя прижала его к себе и затаилась в искореженном автомобиле. Какие-то люди взломали дверь и вытащили их из машины.

Пронзительный вой сирен, скорая помощь, милиция, пожарные в касках, рыдающий в отчаянии мужчина – всё это чудовищным видением предстало перед глазами несчастной Майи. В полной прострации стояла она со щенком на руках в центре общей сумятицы. Кто-то, проводя рукой по ее телу, спрашивал: «Здесь не больно? А здесь? а здесь? а здесь?»

Майю подвели к машине скорой помощи.

– Нет, нет, нет, только не сюда, – запротестовала женщина в белом халате. – Если нет травм, пусть ее отвезут гаишники.

Лишь когда ее повели к милицейскому автомобилю, она опомнилась и спросила:

– А где мама с папой?

– Они приедут позже, – ответил милиционер. Усаживая ее в машину, он взял из рук Майи щенка и положил на обочину дороги.

– Езжайте, – бросил он и захлопнул дверь автомобиля. Двигатель заурчал, по корпусу пробежала мелкая дрожь и, набирая скорость, машина стала удаляться от зловещего места.

– Я никуда с вами не поеду, где мама с папой, отдайте мне Рыжуху, сейчас же остановитесь, – кричала испуганная Майя, дергая за ручки дверей. Но двери не открывались, а машина мчалась в пугающую неизвестность.

Приехали в отделение милиции. Ее посадили в коридоре и велели подождать. То и дело мимо проводили пьяных, без конца приходили какие-то люди и чего-то требовали. Майя сидела на скамейке и тихо всхлипывала. Категоричные заявления требующих подвигли ее на решительный шаг. Она подошла к дежурному и, встав на цыпочки, чтобы видеть милиционера, уверенно произнесла:

– Я требую, чтобы немедленно привели маму с папой и вернули мне Рыжуху! – но тут же расплакалась и запричитала:

– Где моя мама?

– Откуда ребенок? – крикнул дежурный, обращаясь к старшине, что запирает «обезьянник», посадив туда очередного пьяного.

– Гаишники привезли, автомобильная авария, родители погибли, скоро за ней приедут из социальной службы, – отозвался старшина.

Пулей влетели и разорвались в голове маленькой Майи страшные слова «родители погибли». В отчаянии она подбежала к старшине и стала что было силы лупить его и трепать на нем одежду. Каким-то немислимым образом она вынула из кобуры милиционера пистолет, навела на него и прокричала:

– Сейчас же приведите маму с папой!

Тот резко выхватил оружие из ее рук и дал такую затрещину, что Майя отлетела к стене и упала без чувств. Старшина грубо взял вялое тельце ребенка за шиворот и отнес в «обезьянник».

Вскоре приехали социальные работники и без обиняков сказали девочке о том, что родители ее погибли в автомобильной катастрофе. Когда выяснилось, что у нее к тому же нет никаких родственников, Майю определили в Зеленогорский интернат.

Часть II

СТАЯ ВОЛКОВ

Испуганная Рыжуха сидела в кустах у обочины и дрожала мелкой дрожью, не понимая, что ей делать. Смеркалось, машины пролетали все реже и реже, темень быстро накрыла лес, дорогу и морскую гладь. Ветер с залива усиливался, становилось холодно, нестерпимо мучил голод. Кутенок жалобно заскулил, и в этот момент к нему подошла серая волчица.

Обнюхав Рыжуху, она с отвращением ошутила людской дух, напомнивший ей запах следов у логова, откуда сегодня утром пропали ее волчата. Она хотела было задушить отвратительно пахнущего псиной щенка, но он инстинктивно ткнулся ей в живот и начал сосать. Молоко, накопившееся за день, распирало соски и вызывало боль, но когда этот кутенок стал мягко посасывать, боль ушла. Волчица легла и расслабилась. В памяти всплыли ее волчата, суетливо толкущиеся у груди при кормлении. Серая инстинктивно лизнула щенка. Горечь от украденной материнской любви сдавила ей горло, но напряжение стало спадать от тепла, что источало беспомощное существо, сосущее ее молоко. Серая с усердием матери принялась вылизывать Рыжуху.

Эта темно-серая с упругой походкой волчица была самкой вожака – необычайно большого, сильного и бесстрашного. Его неукротимая сила была нужна во время охоты, когда он в одиночку заваливал оленя или первым набрасывался на лося и держал его мертвой хваткой до тех пор, пока измотанный другими волками лось не падал в изнеможении.

Но сейчас эта вызывающая храбрость принесла беду. На зимовье Бесстрашный расположил стаю у большой воды, где было много людей. Конечно, во время сильных холодов, снежных заносов и отсутствия в лесу зверя, всегда можно было легко пожить бараном или поросенком из человеческого логова. Для волков это было не в новинку, но Серая не помнит, чтобы они располагались так близко к человеку. Ведь в этом случае и волки были легко уязвимы.

С наступлением тепла стая не углубилась в лес, и весной Серая родила семерых волчат в старом логове. Когда Бесстрашный ушел за добычей, к логову пришли охотники. Тщетно волчица пыталась увести их от щенят. Выстрелы стали звучать так часто, а пули так близко от нее вонзались в деревья, что она не рисковала больше показываться на глаза людям и в отчаянии наблюдала, как те забирают ее выводок, испуганно сбившийся под корягой.

Серая вела охотников до того места, где то и дело с грохотом проносились огромные монстры, наполненные людьми. Она ничего не боялась так, как этих неизвестных ей существ, похожих на гигантских змей, от которых содрогалась земля, и в панике убегало и улетало прочь все живое. Только глубокой ночью, когда движение страшных чудовищ прекратилось, Серая рискнула перейти эту зловещую полосу.

Она не знала, куда идти дальше. Повсюду были следы людей. Преодолевая страх, волчица дошла до большой воды, где и встретила человеческого щенка.

Теперь она принесет им, людям, такие же страдания и заберет его. Серая осторожно взяла начинающего засыпать кутенка зубами и понесла в сторону леса, прочь от жестоких людей.

Стая сперва не приняла забавную самочку с ярко рыжей спиной. Когда она приближалась к волкам, те злобно рычали и шелкали пастью, но Серая так жестко пресекла эти недружелюбные выпады, что через пару дней Рыжуха уже резвилась с молодняком. Вожак с хладно-

кровием наблюдал за этой сценой и через несколько дней после охоты отпрыгнул перед изрядно подросшим щенком кусок мяса.

ГЛАВА 2. ВИШНУ

Часть I

СТАЯ ЛЮДЕЙ

В интернате формировалась группа первоклашек. Детей привозили из разных детских домов без всякой системы. Все предьявляли себя заново, и в этом было спасение Майи. Кормили в интернате хорошо, но «этим мальчишкам» всегда не хватало еды, причем предпочитали они мясо, а добавки мяса как раз и не давали. Майя, которая мяса не ела с рождения, свою порцию отдавала мальчишкам. В казенном учреждении дети сызмальства привыкли: всем поровну и по справедливости. Вот и подходили мальчишки по очереди к Майе за мясом, и она своим обходительно-нежным «пожалуйста, кушайте на здоровье», приводила в умиление и мальчишек, и персонал. Девочкам это явно не нравилось, но мальчишки не давали ее в обиду, так что Майя была в полной безопасности, столь важной для сиротских детей, которые по строгим детдомовским законам все вопросы привыкли решать кулаками. Девочки при этом не были исключением.

Особенно тяжело Майя переживала не то, что попала в другую страну, а то, что после семьи, наполненной любовью и нежностью, она оказалась в мире, где не было ни душевной теплоты, ни уюта. Здесь были свои законы, часто непостижимые и чуждые Майе. Всеобщий и обязательно быстрый отбой и подъем буквально разрушали ее. Раньше каждый вечер мама или папа усаживались у ее кровати и беседовали с Майей о чем-нибудь приятном. Так, в сладких грезах и фантазиях, Майя засыпала.

Как-то перед сном она вздумала поделиться своими впечатлениями о просмотренном накануне фильме с соседкой по кровати. Их подняли и заставили стоять в коридоре несколько часов.

Обласканная, окруженная любовью и вниманием родителей, истосковавшихся в ожидании ребенка, Майя страдала от равнодушия персонала. Никто из них не делал ей зла, но и заботы, того постоянного внимания, к которому она привыкла, Майя не ощущала. Другие дети, выросшие в детском доме и не знавшие иных отношений, не мучились, не страдали, а Майя, едва в спальне гасили свет, тихо плакала, уткнувшись в подушку.

Но как только она засыпала, ей снились сладостные сны.

Перед возвращением в Советский Союз они специально заехали в Джайпур, где как раз в это время проходил праздник слонов. Это было ни с чем не сравнимое зрелище. Сотни слонов, красочно разрисованных национальными орнаментами, одетых в разноцветные ткани, украшенных яркими гирляндами из живых цветов, важно шествовали под музыку. Их сопровождали роскошно одетые всадники на лошадях и верблюдах, колесницы с разряженными божествами и старинные пушки. Кругом звучала музыка, гремели барабаны. Многотысячная толпа пела и танцевала в едином порыве. Восхитительному изысчеству гигантских слонов могли позавидовать цирковые акробаты. Залпы фейерверка взрывали черное южное небо десятками солнц. В воздухе витало ощущение грандиозного торжества. Такого пышного и яркого представления Майя не видела нигде и никогда.

Дальше ей снился конкурс танцовщиц одисси, где лучшей была она, Майя, взрослая, веселая и очень красивая девушка. Эти сны снимали напряжение, заряжали оптимизмом, напитывали жизненной энергией, придавали уверенность в себе. Майя верила, что впереди ее ждет счастье.

Любимым занятием детей были разговоры о своей жизни в семье. Дождливими осенними вечерами и в темные зимние выходные дни дети группами собирались в комнатах и рассказывали свои истории. Причем «вспоминали» не только те, кто провел хоть какое-то время в семье, но и те, кто в детском доме находился с рождения. Первые, как правило, рассказывали о своем несчастливом детстве, а вторые – о роскоши и согласии царящем в семье. Но финал и у тех, и у других был трагичен.

История одной девочки постарше особенно потрясла Майю, но в то же время сильно помогла, потому что на фоне этого повествования трагедия Майи была всего лишь несчастным фрагментом ее жизни.

– Когда это произошло, – рассказывала Света, нервно крутя в руках сигарету, – мне было четырнадцать лет. Отношения с отчимом у меня были превосходные. Он воспитывал меня с пяти лет, и я называла его отцом. Он баловал меня и любил повторять, что о лучшей дочери и мечтать не мог. Однако с годами его внимание ко мне становилось все более назойливым. Я все чаще чувствовала на себе прикосновение его рук. А однажды ночью, когда я читала, лежа в постели, он вошел в мою комнату и сначала затеял со мной возню, а потом завалился на меня. Я попробовала вырваться, но он не выпускал меня из-под себя. Началась борьба, полетели вещи, и на шум пришла мать. Только тогда он отпустил меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.